УДК 94(430):930.23

В. П. Любин

ИСТОРИЯ НАЦИСТСКОГО РЕЙХА И ЕГО КРАХА. ВОСПРИЯТИЕ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА СОВРЕМЕННЫМИ НЕМЦАМИ

Историографический обзор

Буханов В. А. **«Новый порядок» в Европе и его крах (1933–1945). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 466 с.**
Борозняк А. И. **Жестокая память: Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. — М. : РОССПЭН, 2014. — 342 с.**

Исследования по истории нацистского режима в Германии появлялись и продолжают появляться в большом количестве в разных странах, а не только в самой Германии. Связанные с этой историей разнообразные проблемы вызывают неподдельный интерес историков и читающей публики. В предлагаемой подборке мы знакомим наших читателей с двумя недавно опубликованными оригинальными трудами российских историков по истории и историографии германского нацизма и его преступных деяний.

Издание монографии германиста доктора исторических наук, профессора Уральского государственного университета В. А. Буханова (1948–1995), подготовленное после его кончины его коллегами, было приурочено к 65-летию автора и 100-летию со дня рождения его учителя, основателя уральской школы международников профессора И. Н. Чемпалова. Монография состоит из двух частей (книг): «Европейская стратегия германского фашизма (1933–1939)» и «Гитлеровский “новый порядок” в Европе и его крах (1939–1945): идейно-политические проблемы» [1].

Предисловие к монографии написал профессор УрФУ В. И. Михайленко, послесловие — профессор Липецкого государственного педагогического университета А. И. Борозняк. Оба они работали в УрГУ вместе с талантливым исследователем истории Германии В. А. Бухановым, к сожалению, рано ушедшим из жизни. И все

© Любин В. П., 2015

же В. А. Буханов успел завершить свой «главный научный труд, обращенный к идеологии и практике германского национал-социализма» [Там же, *5*].

На эту тему «написаны монбланы книг в отечественной и зарубежной историографии», пишет В. И. Михайленко, задаваясь вопросом: «В чем же заключается особенный, “бухановский” подход в интерпретации» данных исторических фактов? «В отличие от многих исследователей В. А. Буханов рассматривал национал-социалистический[1] феномен в контексте европейского и мирового цивилизационных процессов, как специфически германскую реакцию на вызов массовизации общества. Во взаимоотношениях между властью и обществом он пытался понять истинные причины установления консенсуса между нацистской властью и большинством общества. ...Его понимание тоталитарного общества выходило за рамки известного противопоставления тоталитаризма и демократии» [1, *5*].

В. А. Буханов пытался постичь «притягательную силу нацизма», выступал «против карикатурных штампов в оценке национал-социалистической идеологии», которая, по его мнению, требовала серьезного научного анализа. Он считал, что «национал-социалистическому движению удалось вобрать в себя элементы различных идейно-политических течений»: «консерватизма, либерализма, даже социализма». Проблема социальной справедливости «была поставлена очень остро именно национал-социалистами». «В результате получилась не эклектика, а очень любопытная тщательно продуманная философия, которая звала к новой свободе, опять же возвращаясь к этому под лозунгом нового порядка, реорганизации» [Там же, *6*]. «Многим в XX веке, и не только нацистам, казалось, что представительное парламентское правление вступало в противоречие с выражением всеобщей народной воли» [Там же].

Уходящий XX в. войдет в историю как век разработки и попыток реализации масштабных проектов мирового переустройства: это Коммунистический интернационал, либеральный глобализм и национал-социалистический порядок, продолжает В. И. Михайленко. В. А. Буханов, пожалуй, единственный российский историк, попытавшийся заглянуть в научную лабораторию нацистских идеологов. В центре его внимания оказалось одно из самых влиятельных подразделений национал-социализма — так называемая «служба Розенберга». Как отмечал сам В. А. Буханов, его интересовали процесс принятия решений, истоки, содержание и последствия разногласий в нацистском руководстве по вопросам осуществления «европейской политики». «В центре исследований В. А. Буханова оказалась эволюция европейской политической стратегии германского нацизма в 1933–1945 гг.» [Там же, *7*].

Первая книга (хронологически охватывающая 1933–1939 гг.) изданной под общим заглавием монографии В. А. Буханова о гитлеровском «новом порядке» в Европе и его крахе состоит из следующих глав: «Идеологические и внешнеполитические основания нацистского европеизма», «Формирование европейской

[1] Именно так обозначается в изданной монографии то, что прежде в отечественной литературе по традиции советских времен квалифицировалось как «национал-социалистский».

концепции “империи” Розенберга», «Переход розенберговской “империи” к политике “сознательного европеизма”». Книгу заканчивает авторское заключение. Вторая книга (1939–1945) подразделена на две большие главы: «На пути к “новому европейскому порядку” (сентябрь 1939 — ноябрь 1942)» и «Провал нацистских планов преобразования Европы (ноябрь 1942 — май 1945)», в ней помещено также авторское заключение. Имеются разделы: «Библиографические ссылки и примечания» [1, *401–456*], «Основные даты жизни и деятельности В. А. Буханова» [Там же, *457*], «Список основных научных трудов В. А. Буханова» [Там же, *458–459*], Послесловие А. И. Борозняка под заглавием «Книги, опередившие время» [Там же, *460–465*].

Как замечает А. И. Борозняк, автор монографии, убежденный в неполноте и односторонности привычной для советской историографии жесткой идеологизированной схемы, трактовавшей фашистскую диктатуру исключительно как результат деятельности «наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала», «различал важнейшие теоретические проблемы истории тоталитарной диктатуры» и «в их постановке и решении ученый находился на уровне мировой историографии германского фашизма, а нередко и опережал этот уровень» [Там же, *461*].

Когда заходит речь об истории нацистской Германии и о Второй мировой войне, то в исследованиях по истории войны предпочтение отдается оккупационной политике нацистского рейха, ходу военных действий на фронтах, дипломатии агрессора, его отношениям с союзниками, прежде всего с фашистской Италией и милитаристской Японией, пишет В. А. Буханов [Там же, *15*]. Менее изучены проблемы, связанные с так называемым новым порядком, который нацизм пытался навязать народам Европы. Взятое в гносеологическом и историко-генетическом плане нацистское мировоззрение предстает как продолжение крайне реакционных антигуманистических тенденций предшествующих философских теорий и социальных утопий: мальтузианства, социал-дарвинизма, расизма, географического детерминизма, вошедших в моду в последние десятилетия XIX в. Взаимопроникновение и слияние этих антигуманистических направлений означало культивирование благоприятной мировоззренческой почвы, на которой было выращено ядовитое семя национал-социализма [Там же, *15, 20–21*].

В. А. Буханов анализирует далее идеи, выдвигавшиеся А. Гитлером, А. Розенбергом, В. Дайцем. Так, Розенберг в книге «Миф XX столетия» пытался убедить читателя, что «белая раса» не может удержать своего господствующего положения в мире, предварительно не преобразовав Европу [Там же, *29*]. Ратуя за «чистоту нордической расы», призванной управлять миром, Гитлер «надеялся на поддержку природы, которая не допустит смешения нордических людей с представителями низших рас — «негром либо славянином», а также с “ферментом декомпозиции” — евреем» [Там же, *41*].

Лишь достаточно крупное пространство обеспечит немецкому народу «свободу существования», теоретизировал Гитлер. Поставив в прямую зависимость свободу от пространства, он подал идею, которая нашла прямое выражение в концепции «органической свободы» у Розенберга и Дайца. Хотя из рассуждений фюрера

явствовало, что германская раса почувствует себя свободной, только подчинив себе весь мир, он отчетливо сознавал трудности на этом пути: в таком случае против Германии объединились бы все. Поэтому в качестве промежуточной и более реальной цели Гитлер наметил превращение Третьего рейха в мировую державу, по мощи и размерам сопоставимую с Британской империей, США, СССР или Францией с колониями. Но для этого Германия должна была расшириться по крайней мере до пределов Европейского континента [1, *43*].

Выход виделся в политике захвата новых земель. «Динамичному немецкому народу» следовало проводить политику «германизации земель, пространства». Это означало не просто завоевание чужих территорий, а уничтожение или изгнание местного населения как обязательное условие немецкой колонизации и достижения «органической свободы».

1 апреля 1933 г. газета «Фёлькишер беобахтер», главным редактором которой был Розенберг, сообщила о создании внешнеполитического бюро НСДАП, которое должно было проводить в жизнь намеченные цели. Его возглавил Розенберг, которому Гитлер после прихода к власти поручил мировоззренческое обучение и воспитание членов партии с целью «прекращения идеологического хаоса» в ее рядах [Там же, *70*].

Розенберг обратил внимание на два крупных комплекса, отделявших Западную и Центральную Европу от СССР. Овладеть ими, считал он, задача Германии. Первый комплекс — это образовавшиеся на обломках бывшей Российской империи Финляндия, Эстония, Латвия, Литва. Благодаря своей антисоветской и антикоммунистической позиции «все они вовлечены судьбой в организацию... европейского континента» [Там же, *127*]. Второй комплекс — Дунайское пространство, на нем после крушения Австро-Венгрии образовались небольшие самостоятельные государства. «Как и в первом случае, у них тоже существует предопределенная судьбой органическая связь с Германией» [Там же].

Поначалу Розенберг и Гитлер предполагали ориентироваться в осуществлении этих планов на создание оси Берлин — Лондон, взамен рейх на первых порах гарантировал бы целостность британской колониальной империи. По мере того как обстановка на Европейском континенте в результате перевооружения Германии и ее агрессивной внешней политики менялась, Гитлер склонялся больше к другому варианту европейской стратегии, инициатором которой был, возможно, он сам, но формулировка которого была осуществлена Риббентропом и стоявшей за ним группой. Не случайно именно Риббентроп подписал антикоминтерновский пакт и соединил его с осью Берлин — Рим. В такой ситуации европейская концепция «империи» Розенберга была переориентирована еще больше, чем прежде, на Восток [Там же, *134*].

В июне — августе 1939 г. Розенберг провел ряд важных встреч и переговоров с зарубежными политиками, а также владельцем «Санди таймс» и других влиятельных английских газет лордом Кемсли, на которых «рассматривался вопрос о том, как не допустить англо-германской войны» [Там же, *197*]. В отличие от других секретных англо-германских контактов лета 1939 г., в которых с немецкой стороны принимали участие представители Геринга и Риббентропа, переговоры

Розенберга с эмиссарами английских консервативных кругов велись с позиций «сознательного европеизма».

16 августа 1939 г. барон фон Ропп посетил Розенберга и заверил его, что Министерство авиации Англии и Генеральный штаб военно-воздушных сил считают «бессмыслицей, чтобы Англия и Германия оказались ввергнуты из-за Польши в борьбу не на жизнь, а насмерть». Результатом было бы лишь «взаимное уничтожение авиации обеих сторон, а в конце такой войны — гибель всей европейской цивилизации, причем плоды этого пожала бы Россия, так и не применив оружия» [1, *198*]. Но в сложившейся ситуации, добавил он, в случае германо-польского вооруженного конфликта, «выступление Англии и Франции последует автоматически».

Однако ни в коем случае нельзя позволить превратиться вспыхнувшей таким образом войне во взаимное уничтожение [Там же]. На случай быстрого завершения конфликта, подчеркивал барон, имелась бы возможность закончить войну, поскольку «из-за государства, прекратившего существование в своем первоначальном виде, ни Британская империя, ни Германия не поставили бы на карту свое собственное существование» [Там же]. Как видно, заключает В. А. Буханов, ссылаясь на опубликованные советские документы [4], барон фон Ропп предлагал по сути план подготовки «второго Мюнхена, на этот раз за счет Польши» [1].

В конце концов, как пишет автор в конце третьей главы, Гитлер принял концепцию «преобразования Европы», сформулированную не Розенбергом, а в «империи» Риббентропа. В соответствии с этой концепцией главными союзниками рейха объявлялись Италия и Япония, а главными противниками — Великобритания, Франция и СССР. По сценарию Гитлера — Риббентропа был осуществлен аншлюс Австрии, подписано Мюнхенское соглашение, оккупированы сначала Судетская область, а затем «остальная часть Чехословакии».

Первый удар было решено нанести на западе, второй — на востоке Европы, против СССР. Чтобы воспрепятствовать успешному завершению переговоров между Англией, Францией и Советским Союзом и изолировать их друг от друга, весной — летом 1939 г. нацистская Германия (через Геринга, Риббентропа, Розенберга и др.) поддерживала секретные контакты в столицах западных держав, а 23 августа подписала договор о ненападении с СССР. «Тем самым завершилась эволюция европейской стратегии германского фашизма предвоенных лет» [Там же, *201*]. По мнению Розенберга, отмечает автор в заключении первой книги, «не состоявшийся в 1930-е гг. англо-германский союз, с одной стороны, и пакт Риббентропа — Молотова — с другой могли иметь для национал-социализма роковые губительные последствия» [Там же, *204*].

В книге второй представленной монографии В. А. Буханов исследует устремления Германии по насаждению гитлеровского «нового порядка» в Европе в 1939–1945 гг. в условиях оккупации немецкими войсками многих европейских стран. Попытки нацистов в конце войны заключить сепаратный мир «закончились провалом, сокрушительный удар по ним нанесли решения Крымской конференции руководителей Великобритании, США и СССР» [1, *396*]. Великая победа антигитлеровской коалиции спасла европейские народы от ужасов гитлеровского «нового порядка», от мрачных перспектив биологического угасания в случае, если

бы нацистские представления о «новой Европе» воплотились в жизнь, заключает автор [Там же, *398*].

***

Новая монография известного германиста доктора исторических наук, профессора Липецкого государственного педагогического университета, члена Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений А. И. Борозняка (р. 1939) посвящена давно исследуемой им теме — вкладу германской исторической науки в дело преодоления нацистского прошлого. Автор рассматривает этапы эволюции исторического сознания в ГДР и ФРГ. Он фиксирует меняющиеся формы, в которых немецкое общество воспроизводит и оценивает образ гитлеровского тоталитарного режима. Автор посвящает книгу памяти своего отца, погибшего в боях под Киевом в августе 1941 г.

А. И. Борозняк пытается раскрыть смысл и результаты историографических дискуссий в ФРГ о преодолении нацистского прошлого — Bewältigung der Vergangenheit[2]. Данный термин, отмечает автор, прочно вошел в немецкий политический и научный лексикон. «И хотя в этом словосочетании стыдливо отсутствует указание на то, о каком именно прошлом идет речь, каждому немцу ясно: речь идет не об абстрактном далеком “прошлом”, но о кровоточащем времени национал-социалистического господства: раны не заживают, а прошлое “не зарастает травой”. Речь идет не о пассивном отражении “прошлого”, но о факторах, активно воздействующих на настоящее, о степени укорененности этих факторов в социальной психологии, менталитете, политической культуре современных немцев» [2, *7*].

«Формула “преодоление прошлого” была порождена нравственными чувствами стыда, вины и ответственности за преступления гитлеризма — в одном ряду с понятиями-символами “тоталитарная диктатура”, “агрессия”, “Холокост”, “Освенцим”. Постулат о преодолении прошлого стал для нескольких поколений немцев знаком длительного, многопланового, внутренне противоречивого процесса общенационального извлечения уроков из истории Третьего рейха, призывом к моральному очищению, к восприятию и осмыслению правды о фашизме и войне, к выработке иммунитета по отношению к тоталитарной инфекции, любым формам расизма, экспансионизма, агрессивного милитаризма. Преодоление прошлого — категория, имеющая прямое отношение к настоящему и будущему немецкого народа» [Там же, *7–8*].

Автор ставит прямой вопрос: «Нужен ли России германский опыт извлечения уроков из нацистского прошлого?». И отвечает: «Безусловно, да». «Потому что гитлеровцы развязали мировую войну, которая разрубила нашу историю на “до” и “после”. Наши потери в этой войне неисчислимы, как неисчислим и наш вклад в дело Великой Победы цивилизации над варварством. Германский опыт необходим России, мучительно преодолевающей наследие сталинского тоталитаризма» [Там же, *8*]. Германский опыт поучителен для России, потому что переход наших

[2] В этом отношении данная монография является продолжением предыдущего исследования автора [3].

стран от тоталитарных режимов к демократическому устройству — это незаконченные, разорванные в историческом времени и историческом пространстве акты единой планетарной драмы.

Но «уроки Германии пока не запрошены в нашей стране». Достигнутая ценой неисчислимых жертв победа над нацизмом «не стала гарантией генетически приобретенного иммунитета к фашистской инфекции» [2, *342*]. «Еще не произошла встреча немецкого и российского духовных опытов, связанных с войной и тоталитаризмом» [Там же]. Поэтому, по словам автора, актуально звучат слова Ханны Арендт: «Истина состоит в том, что цена тоталитарного правления была столь высока, что ни Германия, ни Россия еще не оплатили ее в полной мере» [Там же].

Монография состоит из введения, озаглавленного «Непрошедшее время» (с. 7–14), восьми глав («Память или забвение?», «Зубы дракона», «Сломлено глухое, но долгое молчание», «Правда о Холокосте, правда о войне», «“Спор историков”: причины и последствия», «Германия: quo vadis?», «Я хочу знать всю правду», «В начале нового столетия») и заключения «От “преодоления прошлого” к “культуре памяти”». Книга снабжена указателем имен [Там же, *345–351*].

Касаясь немецкой историографии, трактующей нацистский период истории Германии, автор напоминает, что уже в 1946 г. вышел труд классика и патриарха немецкой исторической науки Фридриха Майнеке (1862–1954) «Германская катастрофа». Он выступил как бескомпромиссный противник и обвинитель нацистского режима. В годы правления нацистов Майнеке был отстранен гитлеровцами от преподавательской и редакторской деятельности. Третий рейх, по его оценке, явился «величайшим несчастьем для Германии». Он нес в себе «угрозу вырождения немцев». Майнеке, пишет Борозняк, дал предельно трезвые, реалистические оценки социальной сущности гитлеровской диктатуры. По мнению немецкого историка, именно крупные промышленники и финансисты содействовали становлению Третьего рейха и были воплощением «зловонного пруссачества и милитаризма». Виноваты, по его мнению, были и прусско-германская милитаристская каста, и «экстремистские политики крупной буржуазии» [Там же, *25*].

Обращаясь к Нюрнбергскому процессу и последующим судам, проведенным американцами, автор замечает, что денацификация была попыткой одним ударом покончить с нацизмом. В советской оккупационной зоне военных преступников достаточно быстро арестовали и предали суду, но в 1948 г. меры по денацификации были поспешно объявлены завершенными. В западных зонах процедуры нацистской чистки нередко превращались в фарс, многие преступники уходили от возмездия. Канцлер К. Аденауэр однажды назвал антифашистскую чистку источником «множества бед и несчастий». «Процессы против нацистских военных преступников» в ФРГ «прекратились, так, по существу, и не начавшись» [Там же, *37*].

В 1950-е гг. в ФРГ в широкий научный оборот вошла теоретическая концепция тоталитаризма. Были переведены с английского книги Х. Арендт «Истоки тоталитаризма» и К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия». Когда мы сегодня постоянно сталкиваемся со словосочетаниями

«тоталитарный режим» и «тоталитарная система», для нас приобретает особую значимость опыт западногерманских исследователей, которые применительно к тематике Третьего рейха, использовали этот инструментарий более пяти десятилетий. Сначала теоретическая конструкция тоталитаризма сыграла позитивную роль. Но явилась ли для западногерманских исследователей модель тоталитаризма всеобъемлющей научной парадигмой или же идеологизированной схемой, вызванной к жизни холодной войной? Насколько результативной оказалась предложенная модель? [2, *49*].

Хотя теоретическая конструкция тоталитаризма сыграла поначалу относительно позитивную роль в исследовании проблематики Третьего рейха, однако после выхода в свет в 1955 г. фундаментального труда К. Д. Брахера «Распад Веймарской республики», вызвавшего острую полемику среди историков, стало очевидным, подчеркивает Борозняк, что концепция тоталитаризма не может претендовать на всеобъемлющее объяснение тоталитарного феномена [Там же, *50*].

Автор обращается далее к развитию историографической дискуссии в ФРГ в 1960-е гг. и подробно повествует о травле западногерманскими коллегами по историческому цеху историка Фрица Фишера. Он издал в 1962 г. свою нашумевшую книгу «Рывок к мировому господству». В ней признавалась вина Германии за развязывание Первой мировой войны. Как следствие, в западногерманском обществе вспыхнула острейшая полемика, хотя и, как писал сам Фишер, проблема взаимосвязи агрессивности политики вильгельмовской империи и нацистского режима «была обозначена лишь в одной фразе предисловия и в одном пассаже в конце книги» [Там же, *78*]. Под прямым воздействием «контроверзы Фишера» в историографии ФРГ стал активно обсуждаться вопрос о месте нацистской диктатуры в преемственности германской истории [Там же, *81*].

Против течения пошли и такие философы, как К. Ясперс и Т. Адорно. Книга Ясперса 1966 г. «Куда движется Федеративная республика?» вызвала много противоречивых откликов. В ней осуждались «ложь и самообман», забвение прошлого, страх перед полной правдой о времени гитлеровской диктатуры. Все это, по мнению Ясперса, представляло собой большую опасность. Адорно, вынужденный провести период жизни с 1934 по 1949 г. в эмиграции, видный представитель Франкфуртской философской школы, также видел опасность того, что в ФРГ существует тенденция «защиты от чувства вины» [Там же, *94*]. Горькая правда о национал-социализме звучала в произведениях талантливых писателей Г. Бёлля, Р. Хоххута, В. Кёппена, А. Андерша, З. Ленца, Г. Грасса, П. Вайса.

В 1960-е гг. в западногерманской историографии резко возрос уровень теоретического осмысления феномена Третьего рейха, пишет далее автор, упоминая в связи с этим труды историков К. Д. Брахера и М. Брошата. «Эрнсту Нольте принадлежала первая в ФРГ научная монография, посвященная сравнительной истории фашистских движений и диктатур в странах Европы», — «Фашизм в его эпоху» [Там же, *98*]. И все же, как констатирует современный немецкий историк Г. Фрай, трактовки нацистской диктатуры были ограничены и касались прежде всего происхождения и функционирования политических механизмов [Там же]. В 1970-е гг. развернулась дискуссия, в ней выдвигались и оспаривались тезисы

о применимости к истории таких категорий, как «монократия» и «поликратия», «модернизм» и «антимодернизм» [Там же, *125*].

В 1979 г. после трансляции по западногерманскому телевидению американского сериала «Холокост» («Всесожжение»), рассказавшего потрясенным немцам о трагедии «окончательного решения еврейского вопроса» в нацистской Германии и оккупированных странах Европы, пробудилась «коллективная совесть западных немцев». Едва ли не впервые, по словам Х. Моммзена, граждане ФРГ начали понимать, что «груз национал-социалистического прошлого не сброшен, а исторические последствия “тысячелетнего рейха” не преодолены» [2, *133*].

Иными путями шло развитие исторической науки в ГДР. «Здесь упорно продолжали не замечать» труды К. Д. Брахера, М. Брошата, Г.-А. Якобсена, Г. Моммзена, их считали «псевдолибералами», прибегающими к фальсификации. Партийные кураторы исторической науки ГДР опасались ассоциаций с политическим режимом Третьего рейха [Там же, *143*].

Далее автор обращается к нашумевшему и оставившему глубокий след в немецком обществе «спору историков», вспыхнувшему в 1986–1987 гг. Одну из сторон (правой ориентации) изначально представлял выступивший с не принятыми другими историкам опубликованными во «Франкфуртер альгемайне цайтунг» тезисами Э. Нольте. Другую (левой ориентации), представлял изначально философ Ю. Хабермас, ответивший Нольте статьей «Апологетические концепции в германской историографии новейшего времени» в газете «Цайт» [Там же, *161*]. Нольте утверждал, что Гитлер был всего лишь копией Сталина, а Освенцим — копией ГУЛАГа, Третий рейх был всего лишь чужеродным вкраплением в германскую историю. Хабермас дал «предельно точную и яркую характеристику концепции Нольте», которая «позволяет лишить нацистские преступления их исключительности, представив их всего лишь как ответ на угрозу уничтожения (сохраняющуюся и по сей день) со стороны большевиков. «Освенцим утрачивает теперь свое значение зловещего символа преступлений германского фашизма и превращается всего лишь в техническое новшество, внедрение которого объясняется “азиатской” угрозой со стороны врага, все еще находящегося у наших ворот» [Там же, *161–162*]. Ссылаясь на Карла Ясперса, поставившего сорок лет назад вопрос о том, какие уроки извлечет общественное сознание из периода нацистской диктатуры, Хабермас предупреждал об опасности утраты памяти о Третьем рейхе — «памяти, отягощенной войной» [Там же, *162*].

У «спора историков» был заключительный аккорд — выход в свет осенью 1987 г. монографии Э. Нольте «Европейская гражданская война». Если год назад он «признавал вину нацистского режима (хотя и именовал ее “вторичной”), то теперь эта проблематика переносилась в плоскость “континентальной гражданской войны”, ответственность за которую раскладывалась (и далеко не поровну) на всех ее участников» [Там же, *163*].

Опубликованная в августе 1996 г. в Германии монография американского социолога Д. Гольдхагена «Добровольные подручные Гитлера», в которой обычные немцы, служившие в армии, бывшие охранниками в концлагерях, полицейскими и т.п., а таких были миллионы, показывались как люди, поддерживавшие

нацистский режим и выполнявшие преступные приказы, вызвала «настоящий интеллектуальный шок» и новую широкую дискуссию. Консервативные идеологи, будучи не в силах опровергнуть новые факты об истреблении еврейского населения, провозгласили, что от труда Гольдхагена исходит опасность распространения в ФРГ настроений «скепсиса и страха», «самообвинений и самоуничтожения» [2, *228*].

Обращаясь далее уже к XXI в., А. И. Борозняк пишет, что «в наши дни проблематика Третьего рейха остается главной в структуре исторической науки и исторического сознания ФРГ» [Там же, *286*]. На заключительных страницах книги автор рассказывает, что в немецких городах в мостовые уложены таблички с именами проживавших здесь и погибших в нацистских застенках, в основном это отправленные в концлагеря евреи и цыгане (в немецком языке их обозначают как «синти» и «рома». — *В. Л.*). Он повествует о деятельности организаций гражданского общества, поставивших целью собрать и отправить денежные средства оказавшимся в годы нацизма на территории Германии и остающимся сейчас в живых советским военнопленным и угнанным на принудительные работы советским людям.

Решительный прогресс в преодолении нацистского прошлого в ФРГ был достигнут, пишет автор в заключении, в пограничной зоне между историческим знанием и массовым историческим сознанием [Там же, *337*]. Но в нынешнее время «существует зримая опасность отторжения элементов тоталитарного опыта прошлого» [Там же, *340*]. Исчерпывающее описание объекта познания «нацистская тоталитарная диктатура» остается насущной задачей мировой науки, заключает А. И. Борозняк.

---

1. *Буханов В. А.* «Новый порядок» в Европе и его крах (1933–1945). Екатеринбург, 2013.

2. *Борозняк А. И.* Жестокая память: Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014.

3. *Борозняк А. И.* Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999.

4. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971. С. 461.

Рукопись поступила в редакцию 29 июля 2015 г.